
РЕЦЕНЗИЯ

*Е.А. Иконникова, И.В. Федорова**

**ПЕРЕПЕЛКИН М.А. СЛОВО В МИРЕ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО.
ПОЭТИКА ИНОСКАЗАНИЯ. – САМАРА:
ИЗД-ВО «САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ», 2010. – 480 с.**

Нередко отзыв или рецензия на любую книгу открывается словом «посвящена». Слово это точное, оно сопровождает высказывания о многих научных исследованиях — от частных статей до объемных монографий. Вот и нам при констатации факта издания книги М.А. Перепелкина не обойтись без этого слова. И это слово мы используем не механически (не по уже устоявшейся традиции, необходимости), но сознательно и, можно даже сказать, намеренно, потому что книга М.А. Перепелкина не просто посвящена (в значении сделана, создана, написана...) одной очень важной проблеме, но *посвящена* вхождению читателя в удивительный мир метафизических поисков творчества Андрея Тарковского. М.А. Перепелкин *посвящает* всех своих читателей (как уже состоявшихся, так и тех, которым еще только предстоит отворить двери этой необычной книги) в «поэтику *иносказания*».

Автор книги с длинным, но значимым каждым своим словом названием («Слово в мире Андрея Тарковского. Поэтика *иносказания*») делает нас причастными к тайне, к сокровенному. Он уведомляет нас о тех открытиях, которые были сделаны им, погружившимся в творческое пространство человека известного каждому, но еще непрочитанного каждым так максимально глубоко, как это сделал сам М.А. Перепелкин. Путь, по которому М.А. Перепелкин предлагает пройти читателю (а им может стать и обычный поклонник творчества Андрея Тарковского, и вдумчивый исследователь), связан с рассмотрением поэтики, а точнее — одной из ее сторон, поэтики *иносказательного*. При этом практические иллюстрации поэтики через призму *иносказательного* в представлении М.А. Перепелкина оказываются увлекательнее теоретического понимания поэтики во всех ее смыслах: от строения художественного текста, системы средств художественного выражения до «памяти» национальной литературы и многого др.

Примечательно, что в слово «*иносказание*» (заявленное в подзаголовке книги) М.А. Перепелкин вкладывает особый смысл. Графически первая часть этого слова, его приставка «ино» дается автором книги курсивом. И это не случайно. Напомним, что и первые метафизики (в лице английских поэтов от Джона Донна до Эндрю Марвелла) испытывали особое пристрастие к шрифтовым возможностям печатаного

* © Иконникова Е.А., Федорова И.В., 2010

Иконникова Елена Александровна (e.a.ikonnikova@jmail.com), *Федорова Ирина Вячеславовна*, кафедра русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, 690008, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290.

текста. Метафизические поэты выделением отмечали эмоциональную значимость слова, его сакральную сущность. М.А. Перепелкин также не избегает этого приема (и это закономерно, потому что герой его книги Андрей Тарковский — безусловный метафизик, восстанавливающий через свое творчество утерянное единство человека с Высшими началами бытия).

И здесь бы мы предпочли сделать одно лингвистическое отступление касательно слова «иносказание». В действительности без таких же отступлений не обходится и сам М.А. Перепелкин (филигранная, свойственная истинному филологу работа со словом отличает не только эту, но и предыдущую, изданную пятью годами ранее книгу¹). В первой части слова «иносказание» (той самой, которая выделена в подзаголовке курсивом) можно увидеть и звуковые совпадения с латинской приставкой «ин» (in), соответствующей предлогу «в» или частице «не», и часть русского слова «иной». Вводя в язык своего исследования слово «иносказание», М.А. Перепелкин погружает читателя в пространство других (а это слово является наиболее близким синонимом к слову «иной») слов русского языка: древних, овеванных тайной, содержащих скрытый, не явный смысл. В унисон *иносказанию* звучат иноземец, инородец, иноверец, иннок...

При этом иносказательное у М.А. Перепелкина шире традиционной аллегоричности. На примере творчества Андрея Тарковского автор показывает не только то, как смысл изображения может быть расшифрован (переведен с сакрального языка на обыденный), но и то, как художественный образ уподобляется математическому интегралу, разветвляется (разрастается) в сумму бесконечных новых частей одной величины. Наиболее отчетливо такая сакральность «ускользающего *иного*» прописана в центральной части монографии (совпадающей с неким кульминационным моментом всего исследовательского сюжета книги М.А. Перепелкина), и именно в ней читатель вновь сталкивается с графическим выделением слова «иной». Это выделение в очередной раз заставляет вернуться к подзаголовку книги и обдумать авторское определение слова «иносказание».

Основные приемы «поэтика *иносказательного*» позволяют М.А. Перепелкину видеть парадоксальную близость друг к другу равноудаленных и неоднозначных явлений. Автор книги не только идет вслед за самим Андреем Тарковским, собирая разрозненные части одного целого в совершенное единство, но одновременно с этим создает уникальную картину первобытия. Эта картина соткана из формирующих эстетическое впечатление образов-пазлов материального мира. Сам М.А. Перепелкин называет это «звеньями одного метафизического сюжета». Кстати, слово «метафизический» в рецензируемой книге — одно из самых частотных. И неудивительно, ведь это слово, введенное в речевой обиход греческим библиотекарем Андроником Родосским, было связано с философскими сочинениями Аристотеля — родоначальника поэтики искусства. Всеобъемлющая поэтика не может отказаться от метафизических поисков, потому что существование поэтики *иносказательного* неизбежно.

Избранная для исследования М.А. Перепелкиным тема изучена детально и основательно. Однако позволим несколько собственных, эпизодических комментариев в интерпретации одного из мотивов в творческом наследии Андрея Тарковского. Очень важно тонкое наблюдение автора монографии о духовном и творческом созвучии Арсения и Андрея Тарковских (часть I, гл. IV «Слово об Апокалипсисе») — рассуждения в этой части последовательны и убедительны. Тема детства связывает художественный мир отца и сына Тарковских. Сказать, что мотив детства для них — неотъемлемый объединяющий биографический промежуток, было бы банальностью.

¹ См., например: Перепелкин М.А. Бездны на краю. И. Бродский и В. Высоцкий: диалог художественных систем: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 176 с.

Восприятие детства в апокалипсическом свете («начало-конец», «рождение-смерть», «здесь-там») объединяет не только двух художников слова и чувства, но и две родственные и необыкновенно близкие души.

Иносказательный подход к слову проявился в кинематографическом творчестве Андрея Тарковского на номинативном уровне. Избрав для экранизации сюжет рассказа Владимира Богомолова «Иван», режиссер сформулировал название для фильма как видоизмененный вариант — «Иваново детство». Менее лаконичное название для экранизации есть символическое обозначение не только военного, но и бесконечного, ничем неистребимого детства. В названии содержится уникальный подход к слову по принципу парадокса. «Иваново детство» — это история о детстве, которого не было как такового, потому как главный герой произведения погибает, будучи ребенком. Не случайно фильм начинается и завершается светлым, солнечным фрагментом (картиной материнства, тепла, босоногой беспечности под мирным небом). Фильм как будто композиционно окантован двумя одинаковыми, но внесюжетными (как может показаться) вставками (краткими картинками детства героя), которые указывают на существование этого отрезка жизни в биографии Ивана, несмотря ни на что. В самом начале картины представлено детство ребенка, реально существовавшее в примерной своеобразной градации: детство — воспоминание — сон — мечта. В конце фильма воспроизводится детство, продолжающееся после жизни (детство вечное, представленное как бесконечная жизнь непорочной души). Рисуя картину абсолютного детства, Андрей Тарковский художественно выходит к теме Бога, создавая сакральную аллегория ангельского детства, оставшегося детством, невзирая ни на что.

Завершая наш взгляд на посвящение в поэтику сакрального, отметим композиционную феноменальность книги М.А. Перепелкина. Монография состоит из трех частей. Девять глав научного повествования связаны сквозным принципом. Но главы каждой из частей одновременно тематически взаимопереходимы и совершенно самостоятельны. Это одно из интересных свойств этой книги, которую можно читать как с начала и до конца, так и частями в любой последовательности.

Андрей Тарковский когда-то написал, что «каждый художник во время своего пребывания на земле находит и оставляет после себя какую-то частицу правды о цивилизации, о человечестве». Такой же частью правды о мире, и о слове в этом мире может считаться и книга М.А. Перепелкина.